

Тайна лимонного пирога

Вера
Шахова

Вера Шахова

Тайна лимонного пирога

**Серия «Уютный ироничный детектив
с собакой по имени Пух», книга 2**

<https://litres.ru/74439657>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая книга в серии про Нину и очаровательного пса Пуха. Звёздный ведущий Аркадий Рафимовский, язвительный любимец публики и гроза всех рестораторов, ведёт кулинарный конкурс. Но когда звезда телевидения рухнул лицом в ароматную выпечку, стало ясно: кто-то очень не хотел, чтобы Рафимовский дожил до финального кадра.

Съёмочная группа дружно забыла, что видела, а полиция задаёт неудобные вопросы. И только Нина с Пухом понимает: дело не в пироге. А в том, что Рафимовский знал о каждом из присутствующих нечто такое, за что можно убить.

У него было четыре жены. Несколько любовниц. Кредиторы, которым он не вернул долги. И папка с компроматом, которая исчезла в ночь его смерти.

Каждый что-то скрывает. Что-то недоговаривает. И кто-то уже выбрал следующую жертву.

Удастся ли Нине с Пухом найти настоящего злодея и оправдать своих друзей?

Этот рецепт убийства не найдёшь в кулинарной книге.

Обложка отрисована автором.

Содержание

Пролог	5
Глава 1 (внимание, снимается кино)	10
Глава 2 (убийца пирог)	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вера Шахова

Тайна лимонного пирога

Пролог

— Кто съел начинку? — Серафима Николаевна, уперев руки в боки, грозно смотрит на домочадцев, упорно делающих вид, что они тут не при чём. Бруня устала в окно, возмущённо подёргивая хвостом. Ещё бы, обвинить её меховое величество в банальной краже! Немыслимое действие! Пух и вовсе притворился спящим, правдоподобно имитируя храп и, для пушей убедительности, вывалив язык.

— И вот что мне делать? — Села на стул Серафима, не в силах наказать преступников даже с помощью веника. — Третья начинка, Нина! Третья! А ведь на носу конкурс. Приедет сам Рафимовский!

— Кто? — я принялась убирать намытые тарелки в шкаф.

— Аркадий Геннадьевич Рафимовский, — терпеливо повторила Серафима Николаевна, — ведущий ежегодного кулинарного конкурса «Коронный рецепт». Я три года держу первое место в рубрике «выпечка» и теперь меня будут снимать в собственном доме! Вот на этой самой кухне! А мне совершенно нечего ему предложить! А ведь Рафимовский, Ниночка, знаменит своей язвительностью и скандальными

рецензиями. Я слышала, — тут Серафима перешла на заговорщицкий полусшепот, — недавно он умудрился довести до слёз нескольких шеф-поваров из Москвы. Да-да. Двое из них подали в отставку. Представляешь, что будет, если он придет, а пирога нет? Что он скажет обо мне? Позор на мою седую голову! Я просто не смогу выйти на улицу!

— Серафима Николаевна, — сажусь напротив неё, — он же не прям сейчас приезжает, правильно? Успеем!

— Нина, у меня новый рецепт! Надо опробовать заранее. Посмотреть, как пирог поведёт себя в духовке. Как поднимется начинка. Достаточно ли мягкое и хрустящее тесто! — сокрушалась Серафима под аккомпанемент присвиста Пуха, одним глазом подсматривающего, когда уже можно будет вскочить и устроить маленький ураган местного масштаба.

— Так, — команду я, — значит, из сегодняшнего теста печём печенье, у нас как раз лимон подсыхает. Заодно и проверим, как оно поведёт себя в духовке. А завтра я сама буду сторожить вашу начинку. Кстати, из чего она?

Серафима не успела ответить. В дверях появился улыбающийся Филипп.

— Мама́, — поцеловал он Серафиму в висок, — что за чудо ты приготовила? Я не мог оторваться!

— Сегодняшний обед полностью на совести Нины, её и спрашивай, — пожала плечами Серафима.

— Да? — поставил на стол большую белую чашку в синий горох Филипп. — То-то мы с папа́ не сошлись во мнениях.

Поняли только, что основа — творог, а вот дальше... Чудесный десерт, Нина. Моё почтение!

Филипп отвесил глубокий шутовской поклон, едва не угодив кудрями в злополучную чашку.

— Как творог, — схватила за грудь Серафима, — так это ты? С папá? И всё съели? Я тут вот, — свободной рукой обвела кухню хозяйка пропажи, — обвиняю всех и вся в воровстве. Готовлю небесные кары с розгами. Получаю инфаркт, insult и старика кондратия, переживаю за предстоящий позор... А ты лопаешь мою начинку с Эдуардом уже третий день подряд и молчишь?! Я плохо тебя воспитала, сын. Очень плохо!

— Не просто лопаем, мамá, а прям ложками, ложками и под чистую! — рассмеялся Филипп, ставя чашку в мойку. — Зато, хочу тебе сказать, что сегодняшняя просто «бомба»! А вот вчерашняя была с кислинкой. Не комильфо такое подавать.

— Вчера был другой творог! — парировала Серафима, резко передумавшая ловить инфаркт, insult и кондратия. — А сегодня я брала на рынке у Леопольдовны и добавила немного груш!

Почувств смену настроений, Пух моментально вскочил с пола, задел хвостом табурет, отчего тот отлетел в сторону, ударившись о буфет. Ваза, стоявшая наверху, покачнувшись и с тихим вздохом упала вниз, разлетевшись на мелкие кусочки.

— Она мне никогда не нравилась, — изрёк папá, появившись в дверях кухни. Точнее, вначале явился круглый живот, за ним подбородок, выдающийся мясистый нос, и потом уже сам Эдуард Самуилович.

— Но это Вена, — всплеснула руками Серафима, — девятнадцатый век.

— Симочка, никто не может жить так долго, если, конечно, он не египетский сфинкс.

— Эдя, — развернулась к нему Серафима, придавая лицу торжественно важное выражение. Я притянула к себе Пуха. Осколки подождут, а вот это выражение лица хрупкой, на первый взгляд, женщины обещало нечто феерическое, и надо было удержать пса, чтоб не спугнул ожидаемое действо.

— Эдя, — повторила она, — так что сподвигло признать-ся именно сейчас? Когда я уже мысленно вызвала охотников за вороватыми приведениями?

— А что не так? Я всегда пробую все твои начинки, дорогая!

— И что, две предыдущие были настолько плохи?

— Что ты, любимая, — поцеловал маленькую ладошку жены Эдуард Самуилович, — просто в этот раз я смог отобрать ложку!

— О-о-о... — хором выдохнули мы с Серафимой и расхохотались, глядя на невинное выражение лица главы семейства, так точно скопированное с морды Пуха, когда тот напроказит и не признаётся.

Глава 1 (внимание, снимается кино)

Полгода в этом гостеприимном доме пролетели как один день. Я гуляла с Пухом, варила кофе и присматривала за Брунгильдой. Или она за мной. Филипп с отличием защитил диплом и сейчас готовил уже вторую выставку. Серафима Николаевна угрожала инфарктом, если я от них съеду. Эдуард Самуилович молча вздыхал и пополнял библиотеку. Отказаться, разумеется, от всех (и людей, и животных) я не могла. Приросла душой.

Да и столько всего произошло за это время, один поход к ветеринару чего стоил.

— Уберите собаку из кадра! — раздаётся хриплый голос звезды экрана Аркадия Геннадьевича, возвращая меня из воспоминаний в реальный мир. — У меня аллергия на собак! И весь пиджак будет в волосах!

— Зато сразу прибавится домашней атмосферы, — парирую я, глядя, как кухня превращается в филиал сумасшедшего дома, но послушно увожу любопытствующего Пуха к дверям.

— Кому я это объясняю! — по-театральному взмахивает руками Рафимовский и хватается за виски. — Провинция! Люди, у которых совершенно нет вкуса!

— Зато прекрасный аппетит! — отвечает Эдуард Самуилович. Его кресло переставили к окну, и теперь он с удовольствием и некоторым ехидством наблюдает за происходящим, попутно почитывая газету и комментируя ситуацию.

Мы с Пухом так же получаем удовольствие. Я — от мудрости хозяина дома, как никогда разговорчивого, Пух — от новых, ещё не привыкших к нему людей, смешно подпрыгивающих каждый раз, как только он открывает пасть и облизывается. В целом все довольны, кроме оператора, переживающего за камеру. Но и тут мы нашли выход. За пару печений Пух готов игнорировать соблазнительные палки тренажера.

— Так, — командует режиссёр и поворачивается к Серафиме, — вы встречаете Аркашу и говорите вот этот текст, идите, учите. Гоша, — обращается он к оператору, — сними кошку. Да не со шкафа, а крупным планом! Что значит «шипит»? Сделай её доброй. Что значит «ты не Куклачёв»? Спроси у аборигенов, как они тут с ней общаются.

Я хихикаю в кулачок и думаю, что сделать добрую кошку из Брунгильды — это как балерину из хомячка: в теории можно, на практике она признаёт только своих. По сути, у нас боевая охранная кошка и плюшевый гигант-пёс, но это тс-с-с... большая тайна.

Но оператор молодец. Отвлекает кошку солнечным зайчиком. Теперь она увлечённо смотрит на блестящую лысину режиссёра и улыбается. Все довольны. И только я знаю, что

Бруня определила цель и этой мышке не избежать знакомства с коготками лохматой охотницы.

Тем временем на столе появляется сервиз с пузатым фарфоровым чайником, несколько блюд с кексиками и заварными пирожными, а также лимонный пирог, ради которого всё и затевалось. На столике у плиты уже ждут своей участи масло, яйца и мука.

— Репетируем! — командует режиссёр. Симпатичная девочка в мини-шортиках стучит хлопушкой. Загорается глаз камеры. В двери входит Серафима Николаевна.

— Стоп! — кричит режиссёр. — Милая моя, вы нам совершенно не рады, да? Где улыбка, приветствие, широкий жест? Давайте заново!

И снова хлопок. Пух встаёт на задние лапы, чтобы лучше видеть происходящее. Рафимовский, наоборот, сползает по косяку двери. Его нежное сердце не выдерживает шестьдесят килограмм нависшей над ним белоснежной красоты.

— Сима, это что, приехали, да? Уже снимают? — появляется в окне голова Леопольдовны. — А чего не зовёшь?

— Стоп! — срывается на крик режиссёр. — Почему посторонние в кадре?! Уберите собаку и дайте что-нибудь Аркаше от падучести!

— Мне уже дали, как его, нурофен кажется, — подаёт голос Рафимовский.

— Таки придётся сделать ему головную боль, — спокойно перелистывает газету Эдуард Самуилович, — не пропадать

же таблетке.

— Ой, а я это что, не вовремя? — продолжает вопрошать голова Леопольдовны за окном.

— Катя, — кидает об пол план съёмок режиссёр, — Катя! Растудыж тебя налево! В конце концов выгони посторонних к чёртовой матери! Ну совершенно невозможно работать!

Девочка в мини-шортиках срывается с места, через минуту исчезает голова Леопольдовны, а меня с Пухом просят выйти за дверь кухни. Пожимаю плечами. Уходить не хочется, но Серафима Николаевна так ждала этот день. Сажусь на ступеньку рядом с Филиппом, которого также изгнали с родительской кухни. Слишком красив. По утверждению Рафимовского, перетягивает на себя кадр. А звезда может быть только одна и это не один из нас.

Не успеваю устроиться поудобнее, как из двери появляется всё та же девочка и просит меня вернуться, но уже без собаки.

— Простите, милочка, — Рафимовский сидит на стуле и смотрит на меня несчастными глазами, — не могли бы вы сварить мне кофе. Серафима Николаевна утверждает, что ваш кофе способен поднять из мёртвых. Только мне с пенкой!

— Да раз плюнуть, — фыркаю я и достаю турку.

Через полчаса съёмочный процесс возобновляется. Серафима Николаевна, широко расставив руки, приглашает в кухню гостей. Ну точь-в-точь как Василиса: того гляди, из

одного рукава лебеди полетят, из другого озеро расплескается. За ней входит Рафимовский, царь-царём. Смотрю на него, и смешно, и жалко: понятно, что, одним словом, может уничтожить, но корона уже поблекла, того гляди с ушей свалится. Но пыжится мужик, грудь колесом, усы торчком, был бы хвост стоял бы трубой. А копни поглубже обычный, неуверенный в себе мужичонка. Только и красы всей, что росту большого да язык подвешенный.

Сели чай пить. Рафимовский у присутствующих интервью берёт.

— Эдуард Самуилович, мы уже поняли, что жена ваша прекрасная хозяйка, а как бы она охарактеризовала вас одним словом?

— Несгибаемый!

— Вы настолько принципиальны?

— Нет, у меня остеохондроз.

Я сижу на подоконнике, поджав ноги, и едва не сваливаюсь наружу от смеха. Официально я слежу, чтобы ничья голова больше не задавала вопросов через это окно, а неофициально стараюсь не ржать в голос.

Режиссёр багровеет. Рафимовский продолжает мило улыбаться и пить чай.

Дальше по сценарию Серафима Николаевна должна испечь лимонный пирог, точную копию которого только что с таким аппетитом уплетал самый страшный кошмар всех рестораторов Рафимовский.

Как Серафима Николаевна не хлопнулась в обморок от волнения, ума не приложу. Но она молодец: улыбается, шутит и вообще делает вид, что ничего особенного не происходит. Оскар по ней обрыдался.

— Ох, — ведёт носом Рафимовский шумно вдыхая воздух, — а тем временем из духовки пахнет так, что хочется самому в неё залезть. Сижу и думаю, а на простую ли кухню я попал?

Эдуард Самуилович, не отрываясь от газеты, тихо, чтоб только я слышала, ворчит: — Вы при рождении не туда попали. Послать куда надо?

Ему не нравится вся эта суета, он человек тишины. Несмотря на то, что по молодости объехал полмира, самым любимым местом оказался дом. В доме кресло и вишнёвая трубка, которую ему запретили курить этим утром: у Рафимовского на табак аллергия. А смотреть на сопливого, чихающего на всех и вся ведущего не всем будет приятно.

— О, какой пирог! — восхищается Рафимовский, собираясь разрезать ещё горячую выпечку. — Серафима Николаевна, уверяю вас, что плохая репутация вам не грозит! А вы знаете, что такое плохая репутация?

Я не услышала ответ Серафимы, за неё пробурчал хозяин дома: — Это, когда живёшь не так, как другим хочется. Но нагадить не могут.

— О, это монифик! — переходит на французский Рафимовский. — Или как говорит молодёжь — отвал башки! И

моя, кажется, сейчас реально отвалится.

Рафимовский побледнел, пошатнулся, схватился за ска-терть и рухнул на пол, увлекая за собой фарфоровый сервиз, кексик и свежеиспечённый лимонный пирог.

— Святые угодники, Нина, звони в скорую! — подскочила к Аркадию Серафима Николаевна.

— У меня нет этого в сценарии! — быстро перебрал листы режиссёр и, наконец поняв, что происходит, вскочил с места. — Что происходит? Аркадий! Что с ним?

— Подозреваю сердечный приступ, — аккуратно тряпочкой убрала с лица Рафимовского остатки выпечки Серафима Николаевна. — Нина, ну что там?

— Будут через пару минут, — спрыгнула я с подоконника на пол.

— Да тудыж разтудыж раз эдак, — попытался прощупать пульс на руке экранного светила режиссёр, — прости господи, похоже он умер...

— Ой, — прижала кулачки ко рту девица в мини-шортиках и заскулила.

— Нина, звони в полицию, — свернул газету Эдуард Самуилович, — эта комедия, таки превратилась в драму...

Глава 2 (убийца пирог)

— Ну, и кто из вас укокошил звезду телевидения? — Петров, закинув ногу на ногу, неспешно потягивает из тонкостенной чашки чай на кухне Ланских, гладит собаку и выглядит настолько безмятежно, словно не он буквально час назад получил выволочку от вышестоящего начальства и обещание снять пару звёзд с погон подполковника, если тот не найдёт убийцу в самое ближайшее время. Буквально вчера.

— Всё шутишь, Дима? — всплеснула руками Серафима Николаевна, провожая взглядом мужа, осторожно пробирающегося к шкафчику на стене.

— Да какие шутки, — потёр переносицу старший оперуполномоченный, — результатов точных ещё нет, но, как говорят медики, отравили кулинарного гуру сильнодействующим ядом. Сейчас как раз вскрытие.

— Дима! — Серафима схватилась за сердце.

Эдуард достал из шкафчика бутылочку из тёмного стекла и несколько рюмок.

— Что? — ответил глава семейства на незаданный вопрос супруги. — Журнал «Здоровье» рекомендует! Для дома, для семьи, от нервов!

Эдуард Самуилович разлил коньяк по рюмкам и, подняв свою, посмотрел на потолок и выпил.

— За новопреставленного, где бы он ни был!

— Эдя! — Серафима пригубила свою стопку, чуть поморщилась и потянулась за кексиком.

— Да, неприятная история, — вновь потёр переносицу Дмитрий Петрович, опустошив свою порцию коньяка. — Только выскочили из одной истории — и здрасьте, новый труп.

— Дмитрий Петрович, — собираю собачьи-кошачьи плошки на помывку, — а это точно не инсценировка, как в прошлый раз с Амалией, нет? Может, сидит сейчас Рафимовский в вашем подвале, Алла кормит его тыквенным супчиком, а вы пришли к нам просить помощи в поимке преступника? Только скажите, мы с Пухом мигом выведем негодя на чистую воду!

Пух гавкает, подтверждая готовность подключиться к поискам.

— А вот вам, Нина, я запрещаю влезать в это дело! — Лицо подполковника становится серьёзным и сосредоточенным. — Вы тоже подозреваемая. Иначе, как вы понимаете, мне всё же придётся запереть вас на пятнадцать суток. Для вашей же пользы и моего спокойствия.

— Тю! — натираю содой собачью плошку. — Всё, что тут вчера творилось, снято на камеру. При всём желании никто из нас не мог ничего подложить, подлить или насыпать Рафимовскому. Достаточно посмотреть выпуск, и вы поймёте, что подозревать нас смешно и бесперспективно.

Пух снова гавкает, подтверждая мои слова.

— А собакам слова не давали, — не поворачивая головы, отвечает Петров, достаёт из внутреннего кармана блокнот, проводит рукой по поверхности стола, сметая крошки. — Давайте восстановим, кто где был вчера, начиная с пробуждения. Итак, Серафима Николаевна, давайте начнём с вас...

— Я, — немного стушевалась Серафима и зачем-то начала перекладывать бумажные салфетки из салфетницы на стол и разглаживать пальцами, — я с утра была на рынке. Купила творог. Перекинулась парой слов с Леонидовной. Зашла в мясной прилавок, хотела выбрать шею индейки, сварить на обед с картошкой, а там Степан, мы с ним в школе вместе учились, он за мной ухаживал и до сих пор обижен, что я не за него замуж пошла. Наговорил гадостей. Что постарела, и шляпка мне не идёт, и вообще...

Серафима чуть поджала предательски дрогнувшую губу.

— Симочка, дорогая, женщины не стареют, это у мужчин с возрастом зрение портится! — поцеловал запястье жене Эдуард Самуилович и подал ей вязание. — А ты у меня — всегда была и есть самая лучшая!

Серафима благодарно улыбнулась и тут же взяла себя в руки. Рукоделие успокаивало её удивительным образом. Быстро застучав спицами, Серафима Николаевна быстро пересказала весь вчерашний день. Петров делал какие-то пометки в блокноте. Кивал.

— А вы только творог покупали или ещё что-то: яйца, муку, лимоны? — Петров пододвинул к себе блюдце с нарезан-

ным лимоном и с удовольствием отправил пересыпанный сахаром кругляшок в рот.

— Лимон да, покупала, — ответила Серафима, одновременно считая петли, — мука у меня всегда есть, Нина много печёт. Масло, не помню.

— Масло и молоко покупала я, — встряла я в разговор, разливая по чистым площадкам свежую воду. — А к чему эти вопросы? — нахмурилась я, вытерла насухо руки и уселась рядом с Серафимой.

— А это из нас преступников делают, — подал голос Эдуард Самуилович, убирая коньяк на место. — Не знаю, как следствие, но я подозреваю, что ты, Нина, вместе с Симочкой организовала преступное ОПГ с целью освободить Разумовского от бесцельно проживаемой жизни. И, по мнению Дмитрия Петровича, вам это удалось. Вот только доказательств нет.

— Эдя! — зыркнула на мужа Серафима. — Конечно же, Дима так не думает! Дима человек умный и понимает, что я очень хотела попасть в телевизор, а теперь попаду только в криминальные хроники! И подозреваю, что сразу после того сюжета, как судили многоженца и дали ему три года тюрьмы!

— Не понял: это его так наказали или решили дать отдохнуть мужику? — вновь вклинился в разговор Эдуард Самуилович.

Я не удержалась и хрюкнула. За мной рассмеялись все остальные. Сам же хозяин дома продолжил невозмутимо чи-

тать газету.

Грешным делом подумала, что столько слов я не слышала от Эдуарда за предыдущие полгода жизни с ним под одной крышей. Так что Рафимовский помер не зря, а ради житейской мудрости отца семейства. И я уже прикидывала, какой толщины блокнотик приобрести, чтобы записывать все афоризмы.

— Что за шум, а драки нет? — возник на пороге кухни Филипп. Солнце не успело встать, а он уже умчался проверить, как идёт подготовка к выставке. И теперь, глядя на его сияющую физиономию, было понятно, что всё идёт по плану и даже с опережением.

— Да вот, сын, — перевернул газетную страницу Эдуард Самуилович, — нас записали в преступники. Обсуждаем, с каким вкусом сушить сухари. Лично я хочу с беконом, но девочки топят за креветки.

— Эдуард Самуилович, — вздохнул Петров, — ещё никто никого не обвиняет. Идут следственные действия.

— Тогда пей чай и не делай нам нервы.

— Пойду-ка я пока переоденусь, — хмыкнул Филипп.

— А после спускайся, я тебя опрошу. — Петров потряс ручку и записал в блокнот моё имя, подчеркнув его дважды.

— А я вообще на подоконнике сидела, погибшего не касалась. Считаю себя невиновной, — не дожидаясь вопроса, оттараторила я скороговоркой. — И потом, ну серьёзно, нас киношники со всех ракурсов сняли. Если бы я хотела кок-

нуть Рафимовского, то точно не здесь. Ну, или... хотя нет, — почесала Пуха между ушами, — его даже не заманишь никуда, под каждой берёзой по фанату. Не понимаю, чего он всем так нравился? Напыщенный дурак.

— Не скажите, Нина, — Петров выразительно посмотрел на пустую чашку, — у Аркадия Геннадьевича было много достоинств, да и связей в разных кругах предостаточно.

— А вы съёмочную группу допросили? — интересуюсь я, встав, чтобы подогреть чайник.

— С ними сейчас работают. Я вот к вам лично решил заехать.

— Так, стоп, — внутри меня зашевелились смутные сомнения, — вы же не думаете, что он отравился чем-то именно здесь, на нашей кухне? Иначе зачем спрашивать, кто что, где и когда покупал?

— Зрите в корень, Нина. — Потёр переносицу Петров и повторил: — Зрите в корень. Дело в том, что я не могу исключить, что отравился Аркадий Геннадьевич именно на вашей кухне. Да вот хоть пирогом, которым вы так опрометчиво его угощали. Впрочем, экспертиза покажет.

— Да не может такого быть! — возмущаюсь я, едва не поливая кипятком мимо стола. — Его готовили под камерой! При всём желании никто не смог бы ничего добавить!

— Я про другой пирог.

— Другой?

— Приветственный. Я так понимаю, его приготовили на-

кануне и угощали Разумовского до того, как начался мастер-класс.

— Но погодите, — охнула я и поставила чайник на стол, — его же не только Рафимовский ел, но и Серафима Николаевна, и я видела, как кусочек отщипнул оператор... Но все же живы, да?

Тут я посмотрела на Серафиму, сосредоточенно считающую петли.

— И какие у вас на этот счёт мысли? — поинтересовался Петров.

— А материться можно? — подал голос Эдуард Самуилович.

— Нет.

— Тогда и у нас нет никаких мыслей по этому поводу, — сложил газету хозяин дома. Встал. Посмотрел в окно. В полной тишине дошёл до мойки, взял чистую чашку, вернулся к столу и налил себе кипятка.

— Давайте спокойно дышать носом. И не устраивать вырванные годы из еле оставшихся дней!

— Угу, — кивнула я, совершенно не представляя, что теперь делать с этой информацией.

— В общем так, — подытожил Петров, — подумайте, кто был у вас дома в последние два дня. Вспомните, что где покупали, прям точно. С кем говорили о приезде Разумовского и обсуждали, что будете готовить. А я вечером загляну. Расскажите.

Подполковник встал. Пригладил волосы. Кивнул. Мы с Пухом закрыли за ним дверь и вернулись в кухню.

Серафима Николаевна по-прежнему стучала спицами, и только поджатые губы выдавали её волнение. Эдуард Самуилович смотрел в окно, в спину удаляющемуся Петрову.

— А что Дмитрий Петрович меня не дождался? — спустился сверху Филипп.

— Фил, а пошли погуляем с Пухом? — увожу с кухни парня.

— А что случилось-то? — шепчет он мне на ухо.

— По дороге расскажу. — Прищёлкиваю к ошейнику поводок, и мы втроём выходим из дома.

Я уже знаю, что означает такая тишина у стариков. Лучше дать им подышать без нас, а уже после расспрашивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.